

МОЙ ЛИЧНАЯ
ГУЛАГ ИСТОРИЯ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ
ВИДЕОПРОЕКТА
МУЗЕЯ
ИСТОРИИ ГУЛАГА

О СВОЕЙ ЖИЗНИ РАССКАЗЫВАЮТ БЫВШИЕ УЗНИКИ
ЛАГЕРЕЙ, СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, ДЕТИ «ВРАГОВ НАРОДА»

2020
МОСКВА

Музей
истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)6
Музей истории ГУЛАГа
Фонд Памяти
ISBN: 978-5-17-113106-7

Автор идеи,
руководитель проекта
«Мой ГУЛАГ» —
Людмила Садовникова

Мы благодарим всех, кто помог подготовить это издание: **Артема Готлиба**, заместителя директора Музея истории ГУЛАГа, исполнительного директора Фонда Памяти, **Галину Иванову**, доктора исторических наук, заместителя директора по научной работе Музея истории ГУЛАГа, **Плюю Удовенко**, старшего научного сотрудника Музея истории ГУЛАГа, **Анну Стадинчук**, заместителя директора по развитию Музея истории ГУЛАГа, **Кристину Танис**, PR-специалиста Музея истории ГУЛАГа, **Варвару Усаневич**, руководителя Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа, **Диану Дзис**, координатора Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа.

Особая благодарность волонтерам, работавшим над расшифровкой видеоматериалов, а также участникам проекта на planeta.ru.

«Мой ГУЛАГ» — это книжная серия видеопроекта Музея истории ГУЛАГа. В первую книгу вошли 26 историй, 26 свидетельств выживших и переживших систему ГУЛАГа, сталинские репрессии. Это воспоминания бывших узников лагерей, каторжан, ссыльных, спецпоселенцев. Среди наших героев есть и те, кто родился в лагере, побывал в детских домах «особого режима», кто всю жизнь прожил с клеймом сына или дочери «врага народа».

Видеопроект существует в Музее с 2013 года. За это время мы записали около 300 интервью в разных регионах страны — от Москвы до Магадана, провели съемки в Германии, Казахстане, Белоруссии, Латвии и Литве. Каждое интервью длится не менее пяти часов, а порой занимает и несколько дней, с некоторыми из наших героев мы беседуем годами. Весь записанный материал хранится в архиве Музея истории ГУЛАГа, но к нему есть открытый доступ: mygulag.ru

На обложке размещены фотографии:

Валерий Эстеркес (в возрасте двух лет).
Каргопольский ИТЛ. 1939 год. ГМИГ КП-3846

Женщины на лесозаготовке. 1940-е годы.
ГМИГ КП-301

Барак усиленного режима. Воркутинский ИТЛ.
1945 год. ГА РФ

Мы начали проект «Мой ГУЛАГ» в 2013 году. На момент подготовки книги героями проекта «Мой ГУЛАГ» стали 300 человек, среди них — бывшие заключенные лагерей, дети расстрелянных родителей, дети, рожденные в лагере, отнятые у семей и нашедшие родных только спустя десятилетия. Нам интересны и воспоминания людей, которые работали в системе НКВД, — конвоиров, вольнонаемных сотрудников лагерей, их детей и родственников. С героями проекта записываются объемные биографические интервью, порой они длятся несколько дней. Для всех групп респондентов разработаны программы опросов, при подготовке которых сотрудники музея опирались на уже снятый материал, монографии ученых о депортации репрессированных народов, работу исследователей, записывающих воспоминания жертв Холокоста, исследования устной истории и мемуары узников лагерей. Снятые интервью становятся частью музейного архива, из них монтируются фильмы, которые мы размещаем на сайте проекта (mygulag.ru), показываем в экспозиции музея и на передвижных выставках. Для нашей первой книги мы отобрали 26 историй. Это рассказы свидетелей эпохи об абсурде, несправедливости, жестокости, но также и об удивительной силе человеческого духа, вере и любви.

содержание

Мой ГУЛАГ. В кадре

Игорь Бернакевич:

«Я был воспитан НКВД, я любил нашу советскую власть и НКВД больше, чем родителей».

8

Вера Андреева:

«Такая была сильная агитация!»

20

Маргарита Андриющенко:

«Пришли за мной, чтобы забрать в детский дом».

30

Георгий Каретников:

«В детстве мир воспринимается чище и лучше. Даже этот мир за проволокой, правда».

46

Олег Арефьев:

«Вы папу у меня забрали, так хоть Евангелие оставьте!»

56

Анатолий Медвецкий:

«Во мне до сих пор страх живет сталинский...»

66

Инна Железовская:

«Я, может быть, скоро приеду».

76

Юлия Пашаева:

«Это такая боль, которая не проходит».

88

Нелли Тачко:

«У нас была очень светлая, открытая семья».

98

Лидия Чюринскиене:

«Уходя, я не оставлю ничего, только фотокарточку, может быть...»

112

Нинель Мониковская:

«Выживая, мы все-таки жили».

124

Александра Успенская:

«В общем, им надо было кого-то посадить... Спросить тоже “за что” — ни за что!»

138

Исса Кодзоев:

«Власть приказала ингушей в село не пускать».

150

Севиле Изидинова:

«Я родилась в теплушке на третий день пути».

168

Галина Двойнишникова:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, пожалуйста, отпустите папу, он ни в чем не виноват».

180

Мария Туманова:

«Это был наш последний танец — вальс».

190

Михаил Пеймер:

«А Сталин что, не ошибается?»

202

Александр Грицаюк:

«Следователь сказал: “Все равно тебя посадят”».

214

Зоя Выскребенцева:

«Я не понимала, какой родине я изменила».

228

Семен Виленский:

«Интеллигенты, быть тверже стали! Кругом агенты, а первый — Сталин».

242

Людмила Хачатрян:

«Восемь лет! За что? Восемь лет!»

254

Анна Заводова:

«Люди рождены свободными и жить должны в свободе».

266

Виталий Беликов:

«А следователь врал, что будет суд».

280

Лидия Иванова:

«Я сразу говорила: “Я враг народа, была в заключении”».

296

- 308 Павел Беженарь:
«Вы высылаетесь навечно в Сибирь».
- 318 Юлий Рыбаков:
«И за 15 минут вдвоем сделали там надпись:
“Вы распинаете свободу, но душа человека не знает оков”».
- 334 Архивные документы
- Мой ГУЛАГ. За кадром**
- 346 Людмила Садовникова,
создатель и руководитель проекта «Мой ГУЛАГ»
- 349 Антон Андросов,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 350 Вероника Соловьева,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 351 Валерий Туголуков,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 352 Ирина Бузина,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 353 Мария Гуськова,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 355 Виктория Рябинина,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 356 Елена Никифорова,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 357 Таисия Круговых,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 358 Василий Богатов,
режиссер проекта «Мой ГУЛАГ»
- 359 Анна Ветрова,
региональный куратор проекта «Мой ГУЛАГ»
- 360 Елена Жолобова,
литературный редактор книжного проекта «Мой ГУЛАГ»
- 361 Алена Сханова,
литературный редактор книжного проекта «Мой ГУЛАГ»
- 362 Татьяна Полянская,
научный редактор, старший научный сотрудник
Музея истории ГУЛАГа
- 362 Светлана Пухова,
руководитель издательской программы Музея истории ГУЛАГа
- Приложение**
- 364 Список сокращений
- 366 Список источников, использованных
в научных комментариях

☛ раздел первый

МОЙ ГУЛАГ. В КАДРЕ

Игорь Бернакевич: «Я был воспитан НКВД, я любил нашу советскую власть и НКВД больше, чем родителей»

Игорь Бернакевич
(слева),
Юра Плишкин,
Витя Чебыкин
в детском
доме №20 (№3),
Кировская
область,
город Советск,
1940-е годы

Нас же в детдоме энкавэдэшники собирали всех и рассказывали, что кругом враги, они повсюду, надо быть начеку. Я был уверен в том, что моя мать сидит за отца. А мой отец — враг и шпион. А мать виновна, потому что не донесла, недосмотрела. Так нам объясняли. Я был в обиде на отца: он не имел права быть шпионом, не имел права делать ничего такого, чтобы так подвести семью.

**Интервью
записано
16 января
2015 года.
Режиссер
и оператор
Людмила
Садовникова.**

Игорь Алексеевич родился в 1930 году. В 1937 году после ареста родителей вместе с сестрой был отправлен в детский дом особого режима. Отец — Бернакевич Алексей Николаевич — арестован в 1937 году и расстрелян в 1938-м. Мать — Бернакевич Мария Федоровна — арестована в 1937 году и отправлена в Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР¹). Игорь Алексеевич не стал железнодорожником, как его отец. Социальная комиссия, как он говорил, не допустила детдомовца из детдома особого режима, сына врага народа, к сдаче экзаменов в железнодорожный техникум им. Сталина. Но он с успехом поступил в Федоскинское художественно-промышленное училище в 1946 году. Отслужил в армии, в артиллерийских войсках. После демобилизации окончил вечернюю школу и поступил в педагогический институт им. Ленина на художественно-графический факультет. Потом еще были двухгодичные курсы дизайна в Московском высшем художественно-промышленном училище (бывшем Строгановском). Работал Игорь Алексеевич в конструкторском бюро им. С. А. Лавочкина, в опытном конструкторском бюро А. И. Микояна.

**Игорь
Бернакевич**
«Я был
воспитан
НКВД,
я любил нашу
советскую
власть
и НКВД
больше,
чем
родителей»

Мой отец был инженером-железнодорожником. Он в 1930 году окончил харьковский институт и работал на железной дороге. Сначала на Украине, в Казатине. Я родился там. А потом из Казатина его перевели в Пермь, затем в Уфу. И до 19 февраля 1937 года он работал инспектором Южно-Уральской железной дороги, пока его не арестовали.

Как-то я играл на улице, около дома, ко мне подошли два человека и сказали: «Нам нужен Ермаков». Я им ответил, что Ермакова арестовали. Он был папиным начальником. А они говорят: «Проводи нас в дом». И я повел их. Но они не в ту дверь стали стучать. «А здесь Бернакевич живет». Отца дома не было, и они поехали за ним на работу.

Когда начался обыск — стоял отец или сидел? Я не помню. Мы рядом «прищемились» на стульях. Шкафы трясут, белье, книги. Отец же инженер. Везде валяются его рабочие книги с таблицами. А таблицы, я помню, были тогда цветными. Миллиметровка очень красивая была. Сейчас она оранжевая, сама сетка, а тогда была глубокого синего, очень приятного цвета. Книги о паровозах с цветными вкладками, с цветными сигнальными огнями...

Я любил рассматривать эти книги. И вдруг они под ногами, по книгам незнакомые люди ходят.

Отца увезли ночью. Он только успел сказать: «Я невиновен, Марусенька, я невиновен».

Обняли и поцеловали нас? Не помню. Может, не дали.

Когда Ермакова арестовывали, я слышал у нас дома разговор: «Знаешь, оказывается, с нами рядом жил враг, и мы ничего не замечали за ним». А теперь мы сами оказались в таком положении. Но у нас тогда вера была в то, что НКВД не ошибается.

И начались наши хождения по тюрьмам. В тюрьму, чтобы отдать передачу отцу, нужно было выстоять громадную очередь. Сначала передачи брали, а потом перестали, появилась информация о том, что его куда-то отправили.

Вышел из тюрьмы Ермаков и сказал матери: «Алешка зря поддался». Ермаков стоял на своем: ему сломали ребра, выбили зубы, но он вышел живой. Он ничего не подписал. Разговор шел о том, что уничтожат детей, семью уничтожат. И Алексей Николаевич, мой отец, видимо, думал о семье. Вот поэтому он подписал. И ровно через год его расстреляли, но мы об этом узнали только через много лет.

Маму тогда часто вызывали к следователю. Мы ходили вместе с ней. Они добивались, чтобы мать оформила развод, но она любила отца и отказалась. Жизнь свою она не устроила.

И вот уже в октябре нам стали присылать документы с предложением освободить квартиру. А квартира у нас была в центре Уфы. Помню я веселые праздники, которые проходили там. Отец неплохо пел, мать вообще прекрасно пела. Она должна была учиться в консерватории, но дед ей не разрешил, говорил, что там нехорошие женщины-артистки. И у мамы было только среднее образование, она была домохозяйкой. Но перед арестом отца она работала в Наркомпросе инспектором, после ареста ее оттуда «попросили». И мама стала работать в универмаге кассиром. Но вскоре и ее ночью арестовали. Опять был обыск, опять трясли вещи и так далее. Ее рано утром увели под конвоем.

И уже в начале дня нас выкинули на улицу. Это было 30 октября. Я стоял с узлами, а бабушка с сестрой пошли искать угол.

Ко мне подходили люди, называли «троцкистом»¹ и забирали из наших вещей все то, что им больше понравилось.

Потом мы нашли какое-то жилье, на одной кровати втроем стали жить. В школе нас с сестрой сторонились, называли троцкистами, за одной партой сидеть никто не хотел. А сразу после ареста матери исключили из кружков. А я только поступил в авиакружок, моя сестра занималась балетом.

Что случилось с бабушкой, я не помню. Может, бабушку тоже посадили? Но мы остались с сестрой одни, и нас отвезли в закрытый детский приемник по оперативному приказу 00486². «Два ноля» — это говорит о том, что приказ был совершенно секретный и касался детей и жен «врагов народа». Не хотело наше правительство афишировать, что детей подвергают репрессиям. Нас забрали в Даниловский приемник. Сейчас в этом здании патриарх располагается. Тогда там на вышках стояли часовые, никаких связей с внешним миром. Намордники на окнах, ты ничего не видишь, только какой-то слабый свет сверху. Кровати трехэтажные с соломой. В детский дом особого режима нас уже везли сопровождающие — две сотрудницы НКВД за тысячу километров. Плыли на одном пароходе, пересадили на другой, на буксире. 100 км ехали в кузове машины. Везли нас в Кировскую область, город Советск, бывшую слободу Кукарка. Между прочим, там родился Молотов³. Очень красивое место, река, бор. Часовых не было, но территория хорошо огорожена высоким плотным забором и два дома — один девичий, другой мальчишечий. Однажды, когда мы сидели после обеда, уроки готовили, вдруг пришел мой товарищ-одногодка Слава Грика весь в крови, плачет. Я побежал за воспитательницей. Бегу, а мне с сеновала говорят: «Подойди! Лезь!» А я не могу залезть. Подсадили, я залез. И сразу удар. И начали лупить меня. Долго били. Раздели, а мою новую одежду, видимо, пропили эти великовозрастные уголовники. Очнулся я ночью, слез с сеновала. Воспитательница меня поджидала. Она уже знала обо всем и увела к себе домой. Я полмесяца у нее отлеживался, потом пришел в себя. И потому что я молчал о случившемся, не стал сексотом, особо меня после не били. Затрещины каждый день давали, да.

Развлекаться они любили. Допустим, я дружу с вами, а они говорят: «КОсайтесь!» — на их языке значит деритесь. А мы с вами друзья. Драться нужно до крови. А они сидят и смотрят, ну, как на гладиаторов, им интересно. Что еще делали? «Отбивали часы». Брали шкета маленького, ставили на четвереньки, за руки и ноги раскачивали и как тараном били, а в стене были гвозди. Вот я так и не знаю, жив этот Слава Грика или нет после такого «тарана»? Был у меня такой товарищ. Заставляли нас собирать окурки, бутылки, кости, тряпки, металл. Если удалось, допустим, латунь содрать откуда-то, на кладбище найти какие-то украшения, сдавали старьевщикам, те платили деньги. Деньги отдавали старшему, тот покупал водку. Всем полагалось по глоточку. Потом пинок — ты счастливый убежал. Эти великовозрастных уголовников специально содержали в детских домах. Они ежедневно должны были избивать «детей врагов народа». Накануне войны жизнь стала более или менее терпима. А так каждый день били.

Старшую сестру мою звали Зоя. Она очень активная и ответственная, отличница круглая — была для меня примером всегда. А еще по возможности нянькой. Сестра так выполняла просьбу матери. Когда маму арестовали и уводили

1 Троцкист — сторонник взглядов, изложенных Л. Троцким и другими лидерами левой оппозиции, на развитие марксизма. В 1927 году в результате внутрипартийной борьбы Троцкий потерпел поражение, был исключен из ВКП(б) и отправлен в ссылку. В стране начались аресты троцкистов. В годы Большого террора большинство репрессированных партийных и государственных деятелей, не имевших ничего общего с троцкизмом, были обвинены в «контрреволюционной троцкистской террористической деятельности» и расстреляны.

2 Оперативный приказ наркома внутренних дел СССР «О репрессировании жен изменников Родины» от 15 августа 1937 года решал судьбу не только жен «врагов народа», но и их детей.

3 Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — политический и государственный деятель. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926—1957 годах. Одновременно в 1930—1941 годах председатель СНК СССР. В 1939—1949 годах нарком (министр) иностранных дел СССР. В 1953—1956 годах министр иностранных дел СССР, в 1956—1957 годах министр государственного контроля СССР. Входил в ближайшее политическое окружение Сталина.

под конвоем, она сказала: «Береги брата!» Вот мы были, допустим, в летнем детдомовском лагере, типа пионерском, «Борок» назывался. Я хочу, например, искупаться. А уже конец августа, вода в речке холодная. И только я ногу над водой заношу, как с высокого берега Зоя кричит: «Иго-о-орь, не ходи на речку, а то как залिमону!» А потом, в какое-то время, когда уже сестра не видит меня, точно так же — только-только я подхожу к речке, и мне уже другая какая-нибудь девочка кричит: «Иго-о-орь, не ходи на речку, а то как залимону!»

Сестра для меня была маяком и защитником, наверное.

Жили мы в нашем доме на втором этаже. Спали на одной кровати по трое: один — в одну сторону, а два — в другую. Матрацы были соломой набиты. Утром подъем и завтрак на первом этаже. В основном была пшеничная каша, довольно крутая. В этой каше сделано ложкой углубление, в котором льняное масло или конопляное и сахар. Ешь это и идешь в школу. В школу мы ходили с торбами (такими полотняными сумками) с учебниками. После занятий возвращались в детский дом и обедали. А потом шли в мастерские работать. Поздно вечером делали уроки — и спать.

Как только началась война, все мальчишки стали собираться на фронт. Мы ножи купили, я и один товарищ. И револьвер на 16 патронов — «монтекрист», однозарядный. Стали мы запасаться хлебом, сухарями. Об этом нашем намерении узнала директор. Она очень мудро поступила. Построила детей и нас, «будущих фронтовиков». И говорит: «Посмотрите, ребята, вот эти наши товарищи хотят убежать на фронт, помогать Красной армии. А что мы будем делать? Печки надо истопить, дрова заготовить, сено накосить для лошади, ваши отметки проверить. Кто это будет делать? Папы ваши там воюют, и они спокойны, что в детском доме за детьми присматривают. А вы уйдете — и все». И поручила нам по пятерке подшефных ребят, посильнее привязала. И все, мы смирились. А уже с этим купленным пистолетом я потом ходил в лес, к старшим, которые там работали, дрова рубили, я им продукты носил. В лесу ведь и дезертиры могли встретиться. Так что и ножи, и револьвер этот были к месту. Но мы и до войны уже работали. Привлекали нас заготавливать сено для лошадей. А когда война пришла, то мы стали косить. Мужики ушли на фронт — косить некому. Все лето мы косили. А осенью убирать урожай тоже некому. Мы помогали соседним колхозам: картошку копали, морковку убирали. А когда враг подходил к Москве (самолеты стали долетать до Кирова — дальняя авиация, бомбили недалеко от нас заводы, где автоматы делали), мы стали дежурить по ночам на крышах. Город же в основном деревянный. Мы натаскали песка, сделали в кузнице клещи для зажигательных бомб и сидели там, на крышах, спали там же, не отлучаясь, пока было тепло и пока снег не выпал. Зима была снежная и холодная, поэтому с чердаков мы ушли. И вскоре немцев отогнали от Москвы, самолеты не стали долетать, осадное положение сняли.

В первый год войны нашего директора забрали на фронт и лошадей взяли. А из Москвы приехали эвакуированные дети и директор детдома вместе с ними новый. И растащили все наши продукты. Мы голодные. Дров нет, помещение не отапливается, спим одетые по три человека, но еще накладываем на себя матрацы, и все равно холодно. Но недолго продолжались наши мучения, сняли этого директора с должности. Пришла энергичная и сравнительно молодая, высокая, красивая женщина — Николаева Александра Петровна. Она в валенках пошла по весеннему снегу, по весенним дорогам по колхозам и стала просить зерно, хотя бы по пуду зерна, а у нас появилось немножко каши из пшеницы вареной, которая в принципе не жутется, — полба, которую ел Балда из сказки Пушкина. Александра Петровна собрала по городу санки и весь детский дом в воскресенье отправила в лес за дровами. И после этой операции печки истопили, отогрели спальни.

Вскоре она взяла участки земли в аренду и заставляла их обрабатывать. Дети сами боронили, впрягались в бороны. Ввела строжайшую дисциплину. Запретила воровство. Мы раньше всегда бегали по городу и воровали. Знаете, что такое «сидора калечить»? Это привычка такая воровать у крестьян. Вот везет он сено, палка — бастрык называется — прижимает сено на телеге, чтобы оно не рассыпалось, и еще на этой палке висит мешок с продуктами. Сам крестьянин сидит наверху,

высоко, ему мало что видно. «Сидор» — это значит мешок. И срезали вот этот мешок с продуктами — «сидора калечили».

Я немножко по-другому жил, мне не приходилось так воровать. Я зарабатывал в детском доме рисунками. Нарисую девочку, или спасательный круг, или чайку — и мне кусок пирога отламывают или шаньги. И в этом отношении я был привилегированный. Или картошку дадут, уже веселее. А ребята в большинстве своем бегали, «сидора калечили». Постарше которые — «дергали сено». Потом это сено продавали, получали что-то съестное или деньги. Так и жили.

Все летние каникулы, когда только мы чуть-чуть окрепли, стали больше работать в лесу. Мы заготавливали дрова и для себя, и для города. А для того, чтобы эти дрова доставить в город, нужно было связать плоты и сплавить по реке. Это можно сделать только поздней осенью, когда реки наполнялись и плоты могли пройти. Поэтому мы все лето пилили двухметровые кряжи, складывали их в клетки метр на метр. То есть получается в каждой клетке два кубометра дров. Строили деревянную дорогу, также шпалы — но не рельсы, а жерди, возили деревья из лесу к реке, складировали, а поздней осенью уже вязали плоты и сплавливали. В город путь по реке — приблизительно полсотни километров.

Летом еще уборочная: поспел клевер — его надо скосить. Появилась, допустим, пшеница — ее сжать нужно, а сжать — значит серпами, комбайнов не было. А потом срезанную пшеницу в снопы связать и во двор детского дома привезти. Потом цепами колотить, зерно выбивать. Тяжелый труд.

О военном времени у меня есть еще одно очень тяжелое воспоминание. Это 1943—1944 годы. Прошла битва под Курском. Ну, мы об этом слышали, что наши победили. И вот в город привезли несколько барж обмундирования. Обмундирования, снятого с погибших. Это громадные баржи. Белье с раненых и убитых раздали городским женщинам. И вот вдоль берега реки Пижмы стояли сплошной линией, локоть к локтю, женщины, стирающие белье. Им надо было его выстирать, зашить и заштопать. И все женщины ревели. Рев стоял над рекой страшный. Каждая могла «увидеть» в этой гимнастерке своего мужа. Иногда находили части тел в этой одежде. Это ужасное зрелище. Но, как говорится, бабы все сделали, выстирали белье, заштопали и отправили обратно на фронт.

В военное время мы все мечтали стать офицерами, ходили по городу и пели: «Мы в нашу артиллерию служить пойдем, мы глазом ворошиловским прицел возьмем». В Кирове была подготовительная школа артиллерийская, эвакуированная из Ленинграда. Но социальная комиссия детдомовских не пропустила. Мы довольно успешно закончили восьмой класс. А в девятом пришла новая математичка и, когда проверяла наш журнал, сказала: «Вы же детдомовцы. И вы хотите окончить учебу? Среднюю школу?» Мы говорим: «Да, конечно!» — «Никто из вас среднюю школу не окончит. У меня три дисциплины: алгебра, геометрия, тригонометрия. Вот вам три двойки».

Я решил поехать учиться в Москву. Это был 1946 год, мне 16 лет. Билеты на поезд взять нельзя было. Тогда еще были пропуска. И вот я с чемоданом и вещмешком тысячу с лишним километров ехал на подножке поезда. Ехал в зимнем пальто и зимней шапке, хотя был июль месяц. Приехал я в Москву чумазый. Тетка у меня жила на Бутырском Валу. Отмыли меня.

Я решил сдавать экзамены в железнодорожный техникум имени Сталина — хотел быть железнодорожником, как отец. Но социальная комиссия и на железную дорогу меня не пропустила, осталось только ремесленное училище. То есть я стал мастером-живописцем. Приняли меня на второй курс. Я был очень горд и считал, что я великий художник и все умею. Отрезвление пришло 1 сентября, когда я вошел в класс и увидел работы своих будущих товарищей. Они эти работы писали в прошлом году. И я понял, что я ничего не стою. Наверное, это хорошо, что Господь дал это признать. И мне пришлось три года догонять. В общем, я сумел. Я окончил училище и вступил в Союз художников. На выставке в Манеже две премии получил. «На лыжной прогулке» — моя первая работа.

Я был воспитан НКВД, я любил нашу советскую власть и НКВД больше, чем родителей. Нас же в детдоме энкавэдэшники собирали всех и расска-

зывали, что кругом враги, они повсюду, надо быть начеку. Я был уверен в том, что моя мать сидит за отца. А мой отец — враг и шпион. А мать виновна, потому что не донесла, недосмотрела. Так нам объясняли. Я был в обиде на отца: он не имел права быть шпионом, не имел права делать ничего такого, чтобы так подвести семью. С матерью нам запретили переписываться. Мы с сестрой были как отрезанный ломоть. И ей сказали, что она никогда не увидит детей. Она отбывала наказание в Акмолинском лагере жен изменников Родины, в АЛЖИРе. Детей у нее отобрали, мужа посадили, саму ее тоже посадили ни за что ни про что на восемь лет. Вот она и сидела. В 1946 году я получил письмо. Маме разрешили писать письма. Она к тому времени уже освободилась и написала: «Приезжай!»

Я поехал к матери в поселок Струнино. Ей было очень тяжело жить. Сначала ее взяли на работу в райфо (районное финансовое управление) с окладом 600 рублей. Но вскоре подумали, что жирно для троцкистки получать такие деньги, и перевели в коммунальный отдел на 450 рублей. Моя мама очень хорошо пела и даже выступала на сцене. Раз поет, значит, жизнь у нее хорошая, слишком хорошая. И перевели ее на работу на кирпичный завод. Она формовала кирпичи из глины. А потом... я не знаю, как это называется... в общем, она стала отстирывать ткани текстильного комбината. Для армии делали ткани. Ткани красили, а потом отстирывали. Вот там ей платили всего 300 рублей. И конечно, маме тяжело было. И самое обидное, что в каждый революционный праздник ее сажали в тюрьму (на время праздника). Я вот однажды в 1954-м приехал после майского парада в гости, а она сидит. Я возмутился и написал письмо Ворошилову⁴. Кстати сказать, Ворошилов — это человек, который подписал приказ к расстрелу моего отца. Ну, и, конечно, все они подписывали — Сталин⁵, Ворошилов, Молотов и Каганович⁶. Так вот, очень скоро маму реабилитировали со странной резолюцией: в связи с недостаточностью собранных улик. Но это была реабилитация. Ей дали новый паспорт. У нее было «минус 39» — это значит минус 39 городов, исключая пограничные и приморские города, куда ей нельзя было ездить. Но теперь она могла поехать к своей дочке в Ленинград. Зоя работала на фабрике «Скорород» начальником цеха, и мама уехала из Струнино к ней.

Когда умер Сталин, я рыдал, я плакал. Я читал недавно, что Анна Ахматова тогда сказала: «Наконец-то сдох». У нас было не так. Я умилялся стихам: «Над тобою плачет маршал Польши, твой никогда не плакавший солдат». Это было тогда созвучно моим переживаниям.

А в 1957 году реабилитировали отца. И оказывается, он не умер, а расстрелян. И не в лагере, а вот напротив «Детского мира» на Никольской, в здании Военной коллегии⁷. Их приговорили списком 200 человек к расстрелу, в один день всех шлепнули и похоронили на Коммунарке.

4 Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — советский военачальник, государственный и партийный деятель. В 1925—1934 годы нарком по военным и морским делам СССР. В 1934—1940 годы нарком обороны СССР. В 1953—1960 годы председатель Президиума Верховного Совета СССР. Входил в ближайшее политическое окружение Сталина.

5 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — советский политический, государственный, военный и партийный деятель, фактический руководитель Советского государства с 1924 по 1953 год. В 1922—1934 годы Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), в 1934—1953 годы Секретарь ЦК ВКП(б), в 1941—1953 годы председатель СНК (Совета Министров) СССР. Главный организатор и идейный вдохновитель массовых репрессий.

6 Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — государственный деятель, член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1930—1957 годы.

7 Военная коллегия Верховного суда СССР располагалась в Москве, на Никольской улице, дом 23 (в 1935—1990 годах — улица 25 Октября). С 1934 по 1955 год Военная коллегия осудила 47 459 человек, из них за период с 1 октября 1936 по 30 ноября 1938 года приговорила к расстрелу 31 456 человек, к лишению свободы — 6857 человек. Документальных сведений о проведении расстрелов в здании Военной коллегии на сегодняшний день нет.

**Репрессированное
детство**

Массовый террор 1937—1938 годов не только оборвал жизнь сотням тысяч человек, так называемых «врагов народа», но и искалечил судьбы членов их семей. 15 августа 1937 года нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал приказ №00486 «Об операции по репрессированию жен изменников Родины», в соответствии с которым жены «врагов народа» подлежали аресту и заключению в лагеря на 5—8 лет, а их дети отправке в детские дома. Для женщин было создано специальное отделение в системе Карагандинского лагеря, расположенное недалеко от поселка Акмолинск (Казахстан). В этом лаготделении отбывали наказание мамы Маргариты Андрищенко (стр. 30), Георгия Каретникова (стр. 46), Нелли Тачко (стр. 98). В 1938 году число заключенных Акмолинского отделения достигло 8 тысяч человек, что сделало его крупнейшим женским лагерем в СССР. Женщины-заключенные дали лагерю неофициальное название «АЛЖИР» — «Акмолинский лагерь жен изменников Родины». Дети арестованных родителей подлежали направлению в приемники-распределители, а затем в детские учреждения. За год действия приказа было репрессировано свыше 18 тысяч жен «изменников Родины», в детские дома помещены более 22 тысяч детей. Юлии Пашаевой (стр. 88) было два года, когда ее навсегда разлучили с родителями и она оказалась в детском доме. Судьба Игоря Бернакевича (стр. 8) была еще труднее, в семилетнем возрасте он был признан «социально опасным» ребенком и отправлен в детский дом особого режима. В приказе №00486 давалась подробная инструкция, как следовало поступать с такими детьми: «Социальноопасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагерь или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик». Георгий Каретников (стр. 46) и Лидия Чюринскиене (стр. 112) провели первые годы своей жизни в лагерных домах ребенка. По закону осужденная женщина могла взять ребенка в возрасте до 1,5 лет с собой в тюрьму или лагерь. Во всех крупных исправительно-трудовых лагерях действовали дома ребенка, куда помещали детей, как рожденных в неволе, так и привезенных матерью с собой. Как только ребенку исполнялось четыре года, его передавали под опеку родственникам или отправляли в детский дом. Георгий стал одним из первых детей, рожденных в Акмолинском отделении Карлага. Лидия в годовалом возрасте попала вместе с мамой в Волголаг и содержалась в лагерном доме ребенка. По официальным данным на 1 января 1946 года в местах заключения содержалось 10 217 женщин с детьми. В середине 1930-х годов в лагерях ГУЛАГа появилась новая группа заключенных — «малолетки». Так называли несовершеннолетних, 16—17-летних узников лагерей. Шинель Мониковской (стр. 124) было 16 лет, когда ее арестовали вместе с мамой. В лагере она столкнулась с жестокими правилами выживания среди уголовников, и только неиссякаемая сила духа позволила ей не просто выжить, но и сохранить свой внутренний мир.